

ГОРБУШЕВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА,
заведующий литературным отделом
БУК ВО «Белозерский областной краеведческий музей»

«ТЫ В ЖИЗНИ ЖЕГ ХОТЬ РАЗ МОСТЫ?..»

Любовная лирика – жанр в поэзии, в котором выражаются самые тонкие человеческие чувства, любовные романтические переживания. Это отдельное поэтическое направление, характерное для русских писателей и поэтов. Какого поэта из любой эпохи не возьмёшь – все они в той или иной форме писали о любви во всём многообразии этой темы. А тема действительно неисчерпаема.

В статье речь пойдет о теме любви в творчестве поэта Сергея Орлова.

Практически всем известны этапы жизненного пути Советского поэта Сергея Сергеевича Орлова: родился 22 августа 1921 г. в учительской семье; школа в Мегре и Белозерске; студенческие годы в Петрозаводске и Ленинграде; участие в Великой Отечественной войне; работа в журнале Нева; работа в Секретариате Союза Писателей РСФСР; Государственная премия им. М. Горького и творчество, творчество, творчество...

Более 30 сборников было издано при жизни С. Орлова и более 400 стихотворений было не опубликовано.

Любовь – одна из основных тем его творчества. Это чувство в стихах Орлова получает разную смысловую окраску и может приобретать характер любви к России, к родному краю, к природе, к мирозданию, к жизни, к красоте, к человеческому в человеке. В любовной лирике Орлова явственно присутствует автобиографический элемент. «Его лирика – это повествование не о том, кого любят, а о том, кто любит, - о любящем», – пишет С. Баранов в послесловии к книге стихов С. Орлова «Будет жизнь» [1].

«Его любовь, занимавшая значительное место в тетрадах, знала и счастье взаимности, и горе расставания», – отмечает В. Дементьев в своей книге «Мой лейтенант» [2].

Войну молодой поэт сразу принял и серьезно, и трагически, ясно сознавая вероятный исход. Тема любви во фронтовой лирике Сергея Орлова едва означена. Но всё – же есть несколько произведений:

Не жди меня, я не вернусь.
К чему напрасные печали,
Тоска, отчаяние, грусть?
Забудь, как многих забывали.

На картах не гадай, к чему
Себя надеждой тешить глупой.
В родном краю, в моём дому
Пусть обо мне поплачут скупю.
Вернусь, так, значит, нужно так,
Так хорошо, когда не ждали,
Примите живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.
1942 г.

А в другом случае, в 1944 г. С. Орлов напишет по-ребячески сердитые, задиристые стихи:

Ожиданием пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасёшь,
Я не верю совсем тому [5].

В том же 1944 г. Сергей Орлов получит тяжелейшее ранение и на фронт уже не вернётся. После госпиталя он направится в Белозерск.

А время – трудное, голодное, военное время и жизнь требовали своё: надо было получить продовольственные карточки, встать на комсомольский учёт, побывать в райвоенкомате, пройти ВТЭК. И вот к справке из Череповецкого эвакогоспиталя, в которой значилось, что «гвардии старший

лейтенант Орлов С. С. в бою при защите СССР получил массивный ожог II и III степени», добавилась справка из ВТЭК, утверждающая Орлова инвалидом II группы. Врачи признали единогласно. А каково было это признать двадцатитрёхлетнему офицеру?..

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой
Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастёрчке стою,
Я стою, смотрю и плачу,
Белый свет не узнаю...

1945 г.

Были и поиски одноклассников, и просто знакомых, была и встреча с единственным другом Иваном Игнатьевичем Бузиным, когда тот не узнал Серёжу Орлова.

После того, как снял бинты, Орлов спросил у Бузина: «Ну, каков я теперь?..» Спросил, не ожидая ответа, потому что все говорили одно и то же: мол, война, мол, бывает и похуже... Для него не были секретом и вздохи и пересуды знакомых белозерских девчонок: «Ой, Серёжку-то Орлова как искалечило!... Ой, и не узнать!»

Его собственный ответ пришёл не сразу. Ещё немало душевных гроз довелось испытать ему, не раз смертельно бледнеть от чужого испуганного взгляда, задыхаться от обиды – и преодолевать страдания наедине с первым же попавшимся под руку клочком бумаги [2].

Что ж, в юности мы все клялись когда-то
Любить до смерти, глядя на луну,
Но, смерть и жизнь, познавшие солдаты,
Над этим не смеялись и в войну.

И я пришёл, и я спросил в тот вечер,
Ты усмехнулась, ведь любовь прошла,

Но даже дерзко дрогнувшие плечи
Сказали больше, чем ты мне смогла.

Серебряным кольцом пророкотала
Над миром журавлиная труба.
Да, злую шутку всё-таки сыграла
Над нами пресловутая судьба...
1945 г.

Иван Бузин, в связи с этим рассказывает, что в июле 45-го года, во 2м часу ночи, Серёжа Орлов, возбуждённый и злой, ворвался к нему на балкон, где Бузин спал и не выговорил, а прокричал: «Слушай, слушай, ведь она меня не любит... Я её встретил с другим...»

Бузин не сразу понял его: «Кто не любит, с кем встретил, расскажи всё толком?!»

- «Да та, ты знаешь её...»

И ещё долго и иступлённо изливал свою горечь и свою нестерпимую боль... ушёл, когда взошло летнее солнце.

На следующий вечер И. Бузин стал свидетелем разговора тех, двоих, возле заветной калитки. И в этом разговоре, вернее, в одной лишь фразе он услышал слово, которое заставило его смертельно побледнеть, нет, буквально помертветь от горя и обиды...

А затем отозвалось в первой же лихорадочно написанной строфе:

Иди один своей дорогой
И отстрани её с пути.
Ты не убог, она убога
Что снёс ты, где ей то снести...

Позднее пришли другие строчки и начинались они с того, что очевидно всем и каждому, но что непомерно тяжело было выразить одному [2].

Вот человек – он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече

С его лица не отводи.

Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть – и глаз не отвести!

Многие стихотворения С. Орлова о любви посвящены Людмиле Оводенко (Прохоренко), с которой поэт учился в параллельных классах школы в предвоенные годы в Белозерске.

В фондах БУК ВО «Белозерского областного краеведческого музея» хранятся фотографии и письма Людмилы Ивановны.

Вот, что пишет она в одном из своих писем (БОКМ 3998-1): «Белозерск - мой родной город и, хотя я прожила в нём постоянно всего 17 лет, но это были первые 17 лет жизни, которые остались в памяти навсегда.

С Серёжей мы выросли в учительских семьях и поэтому во многом понимали друг друга, хотя иногда и ссорились. Познакомились в 1936 г. в пионерском лагере, учились в одной средней школе № 2, в параллельных классах и тогда очень подружились, как оказалось на всю жизнь.

У меня сохранились рукописи стихотворений, подаренные Сергеем мне в школьные годы: «Говорят, любовь уносит осень». После окончания школы мы разъехались на продолжение учебы, я в Ленинград, Серёжа в Петрозаводск. А дальше была война и 4 года разлуки. Следующая встреча произошла в 1944 г. в Белозерске. В мае месяце я приехала к родным в отпуск по болезни. Со мной произошёл несчастный случай на восстановительных работах в Ленинграде (тогда там все работали). А Серёжа после ранения тоже был в Белозерске. В это время он подарил мне вот эти два стихотворения: «Ты мне как березка золотая...», «А я завидую тому, кто в давний августовский вечер...».

Сергей очень хотел уехать на учёбу и послал документы в Ленинградский университет и в Литературный институт, но ответа всё не было. А я уехала в Ленинград продолжать учёбу. Дальше были

многочисленные встречи в Ленинграде, где я училась в Технологическом институте. После защиты диплома я получила направление на работу в Ригу, куда обязана была приехать после месячного отпуска. Отпуск я провела в Белозерске и уехала в Ригу, где работала инженером на заводе ВЭФ. В Риге состоялась моя судьба: работа, семья, пенсия».

У той берёзки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрётся сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

И я пришёл сюда и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живёт...
И лишь стрела на сердце стёрлась.
1945 г.

Орлов уезжал из Белозерска как-то незаметно; просто в один из дней сел на пароход и уплыл, не сказав даже И. Бузину ни слова. Поводом для отъезда послужила настойчивая просьба матери закончить высшее образование. Вначале Орлов восстановился в Петрозаводском университете и даже сдал экзамены за III семестр, о чём свидетельствуют отметки в его старой – довоенных лет – зачётной книжке. Но в июле 1946 г. он переводится на 2-ой курс исторического факультета Ленинградского Государственного университета и почти год ходит на занятия... [2]

Живу, как получается,
Один и налегке.
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

О его любовной лирике трудно говорить потому, что её почти невозможно цитировать: каждое стихотворение просится в цитату, каждое дышит особым, орловским целомудрием. Любимая для него – всегда свет, добродетель, предмет восхищения. Даже тогда, когда любовь приносит боль и беду, поэт не оскорбит её упреком. Стихи Орлова о любви исполнены высокой нравственной чистоты. Вот всего двенадцать строчек, но в них – рассказ не только о несостоявшейся любви, но и о времени, о поколении, о том, непоправимом, что внесла в нашу жизнь война [8]:

Голос первой любви моей – поздний, напрасный –
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

Над горящей землёй от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать – хуже, чем умереть,
И в бинтах все берёзы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

Этим же стихотворением открывается сборник стихов С. Орлова, вышедший в 1958 г. в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», но что символично: называется сборник тоже «Голос первой любви». Это не книжка любовной лирики: в ней разные стихи – и о любви к родному Белозерью, о роли песни в жизни человека, о первом тракторе, об экипаже танка, о Родине.

Тема стихотворения «Голос первой любви» будет развита в поэме «Одна любовь», о которой Дмитрий Хренков в своей книге «А был он лишь солдат...» написал очерк.

Прочитаем поэму. Увидим, как накатилась на паренька любовь к девушке «с монгольскими, косым разрезом, стрелами-глазами». Конечно же эта одноклассница казалась лучшей на свете. К ней стремился, мечтой о встрече жил герой поэмы. Имя её санитары слышали вместе с первыми словами полубреда на окровавленных носилках, когда вчерашнего школьника несли с поля боя. А её жизнь сложилась по-своему, и, когда молодые люди встретились, наконец, после войны, уже давно была сыграна её свадьба.

Что могла дать запоздалая встреча? Не поступки, а нравственный аспект интересует Орлова. Герой его поэмы отнюдь не ангел. Он говорил о себе сдержанно, с чувством достоинства, не пытаясь нисколько показать себя в розовом свете. Война научила его прямоте, которая не может не обернуться правотой. Во имя того, что сохранила память, - светлого и чистого – герой поэмы не захотел «малого», раз невозможно всё. Он уходит от любимой. Нравственная чистоплотность восторжествовала. Кто-то из первых рецензентов поэмы был не удовлетворён решением Орлова. Но поэт не мог покривить душой: ведь слово «Любовь» он всегда старался писать с большой буквы. [8]

Поэт и критик Д. Молдавский писал: «Я сам поражался силе этих военных мотивов, определявших звучание и тональность даже стихов и поэм о любви, - «Одна любовь» - звучала как высокая декларация реальных человеческих отношений, пощёчина ханжам, глубокое и сильное произведение. [4]

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнём освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

...

Меня в любви не стерегли удачи, -
Любил её, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

...

Четыре года, вечности четыре –
Огня, брони, снегов, госпиталей –
В исхлѣстанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

...

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой – из сердца вон. Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

...

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

...

Для счастья припасѣнные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне горели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

...

Миры менялись на её лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.
Всѣ впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

...

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы...
Лишь «здравствуй» есть, и нет «прощай» у счастья.

...

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

...

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь – сильнее войны она,
А кто сказал, что нет любви без счастья?

1959 г.

Орлов не часто обращался к жанру поэмы. Мы можем вспомнить «Светлану», наброски к поэмам о Циолковском и Дионисии, первую пробу пера в этом жанре – поэму о земляке-танкисте Малозёмове, которая увидела свет уже после смерти автора. Поэму мы знали давно, не раз предлагали напечатать её в газете «На страже Родины». Но уж очень строг был к себе поэт. К «Дионисию» он возвращался часто, публиковал в разных изданиях отрывки. А вот поэма «Одна любовь», долго вынашиваемая, вдруг «пошла» с какого-то момента быстро. Была найдена, как мне кажется, собственная философская интерпретация вечной темы. Таков был творческий метод Орлова: он писал тогда, когда не писать уже не мог, когда знал, что не повторит чужое. И смотрел на мир иначе, чем многие из нас [8].

Разные судьбы проходят в стихах Сергея Орлова о женщинах («Уходит женщина, уходит...», «Я давно увидел в первый раз...», «Две крутых соболинки...», «Смеялась женщина, смеялась...», «У леса голубого на опушке...», «Сорок лет», «Девочки весёлые, бедовые...», «Разговор с мадонной»). И всегда в них ощущение тайны женской души, ясность взаимопонимания и верность нравственной оценки. И переломляется это в стихе за счёт точностей деталей бытовых, портретных, психологических, а поэтический свет вносится чуткостью поэта [5].

Семейная жизнь С. Орлова сложилась удачно. Из воспоминаний Аркадия Минчковского: « ... Были мы молоды и не чуждались жизненных радостей. Тем более что еще не до конца верили в то, что вернулись с войны, а это само по себе уже являлось немалой удачей. Имелись среди нас такие, что пользовались успехом у слабого пола, но не Серёга, как его тогда многие звали. Он был стеснителен, не показно, а на самом деле нравственно светел.

Зимой мы, группа молодых писателей, жили в Комарове, в ещё старом, деревянном Доме творчества. Днём, трудясь по своим комнатам, чутко прислушивались к скрипу ступенек на лестнице: хорошо бы кто пришёл, помешал работать. Вечерами, после ужина, томились от безделья. Однажды дали согласие забредшему к нам культурнику из дома отдыха совслужащих, что находился неподалёку, провести там литературный вечер. Пошло человек пять, и вечер получился удачный. Нам дружно хлопали. Несколько отдохавших там девушек вызвались нас проводить, а проводив, надолго задержались. Когда гости собрались уходить, послали за той, которую увлёк Орлов. Вернулась её подруга, удивлённо проговорила:

- Сейчас идёт. Представляете, всё время читал ей стихи. «Минутку, - сказал. – Ещё несколько строчек».

А вскоре Серёжа влюбился. Влюбился с прямою чувств и темпераментом всей своей непосредственной натуры... У Орлова, как и у всех нас, появилась жена, а потом и сын Владимир. С Велой, как мы называли его жену Виолетту, он прожил более четверти века, сперва в нашем городе, потом в Москве. Были они отличной парой, людьми духовно близкими. Оба отзывчивые. Оба чуждые идее накопительства и сытого благополучия» [3].

...

В черёмухе и звёздах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришёл до темноты.

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

...

1957 г.

Виолетта Степановна сделала всё возможное, чтобы дошли до читателя более двухсот неопубликованных стихотворений. Благодаря ей появилась книга «Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное» в 1980 г.

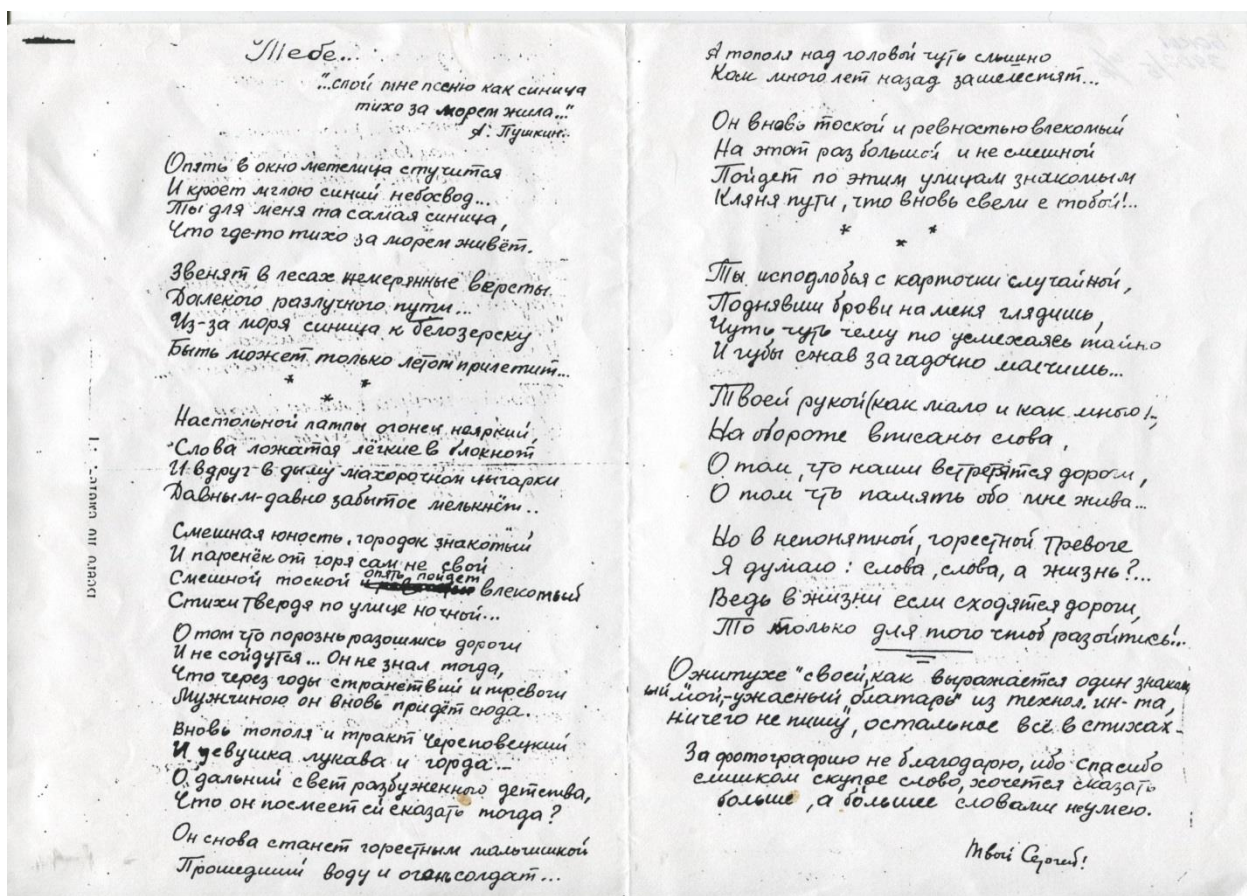
Благодаря ей был пополнен фонд Сергея Орлова в Белозерском краеведческом музее. Благодаря ей и друзьям С. Орлова был открыт Мемориальный дом-музей поэта-фронтовика Сергея Сергеевича Орлова.

Список литературы.

1. Баранов С. Ю. Поэзия Сергея Орлова /С. С. Орлов // Будет жизнь. Учебное издание для старшего школьного возраста. - Вологда: Полиграфист, 2006 г.
2. Дементьев В. Мой лейтенант. – Москва: Советский писатель, 1981 г.
3. Минчковский А. После войны / Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. – Ленинград: Лениздат, 1980 г.
4. Молдавский Д. Рыцарь в шлеме танкиста/ Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. – Ленинград: Лениздат, 1980 г.
5. Оботуров В. А. Костры на ветру. - Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1982 г.

6. Орлов С. С. Голос первой любви. - Ленинград: Советский писатель, 1958 г.
7. Орлов С. С. Собрание сочинений. Т.1.- Москва: Художественная литература, 1979 г.
8. Хренков Д. Т. А был он лишь солдат...- Москва: Современник, 1980 г.

Приложения

Копия рукописи С.С. Орлова, БОКМ н/в 3927-5

Ты в жизни жёг хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты сапёры,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город?
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпиды колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят –
Твоей зажжённые рукою.
Ты в жизни жёг хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе?
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Сапёрам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет –
Мосты сапёра возведут,
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

Одна любовь

(Поэма)

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Все, что в года вместить не удалось.

Меня в любви не стерегли удачи, —
Любил ее, как грех, за красоту
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И, счастьем и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи, –
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею –
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она, как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви;

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем как скрыться на крыльце впотьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,

И слышен нынче, к сорока годам.

Четыре года, вечности четыре –
Огня, брони, снегов, госпиталей –
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли –
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чудак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой – из сердца вон. Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно – все равно.
Шел год победы, – в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было –
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде.
На свет. Кто обижается не свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза.
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели, –
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И, звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И волн морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,

Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, – кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, это дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взовьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог.

Я переулок отыскал
И, видя проходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поджималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: – Давай полью цветки! –
И вдруг из-за угла, почему я знаю,
Как я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слыхали друг о друге.
Из-под ресниц прохладный свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той далекой, русой;
Весь городок был наш в плену у ней –
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет...

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: – Не надо!..

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо – гнутся с грузом ветви сада,
Не надо – просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она нежданно в слезы.
Что сделал я?
– Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела.

Мне тоже в жизни не встречалось роз.
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,

Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я ударил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков,
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро.
Был добрый день, всю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю»,
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили, – никогда

Не рассказать, не вспомнить.
Это знаки были
Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было:
– куда ты едешь спешно так сейчас?
Кто ты теперь? – она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет,
Я услышал: – А разве ты мужчина!..

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине гор Арарата,
Где между гор библейских рай земной,
Оранжевый на синем, был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колебясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе – зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всемирно незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане, –
Я землю лишь в подробностях любил,

Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот, –
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, проносилось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень.

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом, –
От дюн до паутины золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И, снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.
Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,

И, может быть, «прощай» – ветра сказали,
А может, просто вспыхнул неба край,
И двое нестерпимо увидали –

Сентябрь на прибережной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные – «день добрый» или «вечер».

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро – говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края, –
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы...
Лишь «здравствуй» есть, и нет «прощай» у счастья.

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.
Как на земле хозяйничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был.
С ним все преобразилось во вселенной.

Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Затянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленную шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила – голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели,
На красном белые, над платьем узким,

Над черным скользким – белые как снег
Горячие податливые плечи,
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
– Здесь душно... – И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдаясь,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
– Мой милый, разве ты боишься света?

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалило резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как мало!

Ведь не украсть. Не дать, не взять взаймы,

Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы...
Лишь «здравствуй» есть, и нет «прощай» у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет, –
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей, и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе, горных пиков выше, –
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат!

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк –
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь – сильнее войны она,
А кто сказал, что нет любви без счастья?

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.